

МАГИЯ **ФЭНТЕЗИ**

Василий САХАРОВ

ПОСЛЕДЫШ
ДРЕВНИХ

Роман

Москва, 2014
САРМАДА
&
«Издательство АЛФА-КНИГА»

УДК 82-312.9(02)
ББК 84(2Рос=Рус)6-445я5
С22

Серия основана в 2004 году
Выпуск 537

Художник
В. Федоров

Сахаров В. И.
С22 Последыш Древних: Фантастический роман.—М.:
«Издательство АЛЬФА-КНИГА», 2014.— 344 с.: ил.—
(Магия фэнтези).

ISBN 978-5-9922-1800-8

Пятый сын северного барона чувствует себя чужаком среди родни, он узнает тайну своего происхождения и отправляется на войну. И эта история о нем: о его судьбе, о войне с применением магии и секретах Древнего народа. И пусть по его следу идут охотники за головами, некроманты, убийцы и эльфы. Пусть! Отгар Руговир не сдастся и не отступает. Пройдя сквозь горнило войны, он старается понять, ради чего живет и в чем его предназначение.

УДК 82-312.9(02)
ББК 84(2Рос=Рус)6-445я5

ISBN 978-5-9922-1800-8

© Сахаров В. И., 2014
© Художественное оформление,
«Издательство АЛЬФА-КНИГА», 2014

ПРОЛОГ

— Твое величество, они прибыли.

Царь Великой Мореи, сорокалетний Эраций Раен, широкоплечий длинноволосый брюнет в позолоченном камзоле, бросил взгляд на своего троюродного брата князя Ируанского Айрика Раена. Тот улыбался.

— Пусть подождут, — сказал царь.

— Слушаюсь.

Князь, стройный щеголеватый блондин в строгом синем мундире с тонким эльфийским мечом на боку, кивнул и вышел, а царь посмотрел на рабочий стол, заваленный бумагами, поморщился и задумался.

Перед ним были налоговые отчеты из провинций, докладные записки «черных клинков», аналитические прогнозы личных порученцев и письма губернаторов. Больше сотни совершенно секретных документов. И практически все они говорили об одном — Морея находится на краю пропасти. Еще один шаг, и государство рухнет в бездну. После чего на Морею набросятся соседи, и остатки великой империи перестанут существовать. Незавидное будущее. Поэтому царь искал выход из трудного положения, и он был найден.

Тяжко вздохнув, Эраций покинул рабочее место и, заложив руки за спину, подошел к окну. Его взгляд надолго остановился на мраморном памятнике, находившемся во внутреннем дворе дворца под кабинетом государя. Два человека с одинаковыми лицами, воин и маг, смотрели куда-то вдаль и готовились отразить атаку. Воин был в ламеллярном доспехе и сжимал кривую саблю, а облаченный в мантию маг конечно же держал длинный посох с наконечником из крупного драгоценного камня. Суровые люди из суровых времен, смелые,

хитрые, жестокие и страшные в гневе. Таким можно было верить, но вместе с тем их следовало опасаться.

Царь это знал как никто другой. Ведь воин и маг, изображения которых пятнадцать лет подряд высекал в мраморе талантливый столичный скульптор Никсай Имерэ, были предшественниками властителя Морей. Родной дед Эрация и его брат даже после смерти повергали в ужас врагов. И царь, взглядываясь в их суровые лица, невольно вспомнил историю своего народа и государства...

Шестьсот лет назад на материк Ирахо высадилась огромная армия завоевателей, которая пересекла океан. Морейцы — так называли себя пришельцы, пределавшие дальний и долгий путь не ради славы и наживы, а ради новых земель. Далеко-далеко на западе, за бескрайними водными просторами, этому народу стало тесно на своей родине, и морейцы начали захват новых территорий. Они были настолько умелы в военном искусстве и сильны в магии, что коренные народы Ирахо, эльфы и гномы, а также полудикие кочевники и варвары из людских племен, подчинявшиеся и служившие подземным коротышкам и остроухим лесовикам, ничего не могли им противопоставить. Итог войны был закономерным. После нескольких кровопролитных сражений, во время которых люди массово переходили на сторону морейцев, гордые эльфийские короли и прижимистые подземные властелины признали свое поражение и подняли белые флаги.

Так большая часть Ирахо стала вотчиной морейцев, принесших на материк многие секреты, вытацивших людей из грязи, нищеты и дикости, а затем давших им справедливый закон и запретивших рабство. Для магов — пришельцев из-за океана все разумные существа были равны, они обучали немногочисленных чародеев из других племен и делились с ними секретами. Архитекторы возводили акведуки, строили чистые светлые дома и прокладывали широкие каменные дороги, по которым могли перемещаться все без исключения. Чиновники не брали мзду, военные охраняли границы. Стражники ловили воров и черных колдунов. Охотники, следопыты и егеря истребляли нечисть и нежить. Ну а вчерашние племенные вожди, властелины и короли, без ущерба для чести, становились губернаторами морейских провин-

ций. И вдобавок к этому, что немаловажно, завоеватели признавали всех богов, лишь бы те не требовали кровавых жертв.

Это было благословенное время, эпоха мира, благоденствия и спокойствия, и продолжалась она до тех пор, пока на далекой родине морейцев не произошла жестокая гражданская война, унесшая миллионы жизней и практически уничтожившая великую цивилизацию. В то время большая часть морейской армии на материке Ирахо была переброшена обратно за океан, и нелюди, почувствовав слабость, ударили пришельцам в спину и учинили безжалостную резню, убивая всех без разбору, и старых, и молодых.

Однако наместник Ирахо принц Турдо Раен действовал быстро и решительно, поэтому смог удержаться и подавить выступления предателей. Леса эльфов вырубались, и остроухих сажали на кол. Подземелья гномов заливались нефтью и сжигались. А людей, оставшихся верными вчерашним хозяевам, десятками тысяч загоняли на рудники и стройки.

В общем, морейцы огрызнулись так, что мало никому не показалось. А затем из-за океана вернулись остатки армии и вместе с ними вынужденные покинуть разоренную родину новые колонисты. После чего, оставшись единственным представителем павшей династии, Турдо Раен объявил себя императором. Нелюдям, коим уже не доверяли, но которых было решено не уничтожать — слишком мало воинов имел в своем распоряжении император морейцев, — в обмен на спокойствие оставили территории для проживания. Люди, которые им помогали, раскаялись и понесли наказание согласно законам. А наиболее непримиримые мятежники были уничтожены или бежали. Кто в далекую Лахманию, великий халифат на юге, а иные на восточный берег материка, полуостров Шитторо.

И снова все затихло. Опять на многострадальных землях Ирахо воцарился мир, и триста сорок пять лет было более-менее спокойно.

За это время морейцы присоединили к своему государству несколько королевств, превратив их в имперские провинции, начали колонизацию суровых северных просторов и уничтожили сборище черных колдунов под названием Орден Читар. И все бы ничего, но морейцы расслабились. Династия Раен потеряла былую хватку, и произошло то, чего нельзя было представить даже в кошмарном сне. Один за дру-

гим ушли из жизни все взрослые члены рода Раен. Причем уходили они так, словно над самой могущественной семьей империи нависло проклятие разбитых «читаров». И это было страшно, ибо никто, даже имперские маги и придворные мудрецы, не мог объяснить причину свалившихся на Раенов несчастий.

Сначала смерть настигла принца Крона, который погиб на охоте, упал с коня и сломал себе шею. Затем в бочке с вином захлебнулся родной брат государя, великий князь Сатмар. На следующий день, видимо переживая потерю единственного сына, приняла яд императрица Мариш. После нее бросилась с высокой башни принцесса Оливия. А спустя седмицу на крутой лестнице споткнулся, ударился головой о ступени и впал в кому повелитель огромной империи, и самые искусные столичные целители не смогли ничего сделать. Арнис Первый, поэт и политик, умер, не приходя в сознание, и его государство моментально затрещало по швам.

Словно по команде, полыхнули кровавыми мятежами окраины, и начался парад суверенитетов. Архипелаг Ируа объявил о создании вольной республики, и главным источником дохода для островитян, как и встарь, стало пиратство. Смуглые и чернобородые кочевники-хаджары перебили всех имперских чиновников, раскололись на племена и рода, а затем вернули обряд кровавых жертвоприношений демонам, которых считали своими создателями. В горных теснинах хребта Ченстрой, где находились главные имперские рудники, произошел бунт каторжников. Преступники вырвались на свободу, захватили власть в окрестных городах, и на развалинах провинции возникло не меньше сотни новых независимых баронств, где правителями стали наиболее сильные криминальные авторитеты и недобитые чернокнижники из Шитторо. Бывшая Бордонская Марка провозгласила независимость, и на престол взошел Лотар Вирданни, дальний родственник последнего императора, намеревавшийся стать властителем Морей и собиравший силы для похода на столицу, славный Алькантар. Богатый и плодородный Рубайят преобразовался в вольное герцогство. Эльсария, родина эльфов и последняя провинция, где остроухих было большинство, вспомнила о былой ненависти к людям, и уже через месяц после смерти Арниса нелюди изгнали имперские отря-

ды, а с морейского наместника содрали кожу. Ну а вслед за ними из подземелий вылезли гномы, которые, как оказалось, тоже ничего не забыли и по-прежнему были готовы к войне.

Так в империи воцарился хаос, но Морья держалась. Власть в государстве перешла в руки Лиги Достойных, сформированной из самых богатых морейцев, промышленников, купцов, землевладельцев, аристократов, придворных маршалов, магов и наиболее влиятельных чиновников. Все они ожидали совершеннолетия двух младших Раенов, пятилетних близнецов Дъего и Бьерна, которые должны были занять трон. Однако до этого было далеко, и Лига пыталась руководить государством по своему усмотрению.

Имперские войска отразили нападение алчных и завистливых лахманов. В Ченстрой, Бордон, Рубайят, Хаджарию и Эльссарию выдвинулись карательные корпуса, а к архипелагу Ируа направился огромный имперский флот. Но, несмотря на все усилия Лиги, заменить императора она не могла. Династия Раен — вот что цементировало государство, которому требовался один лидер, а не сотня. Поэтому в итоге члены Лиги Достойных передрались и рассорились. Военные не желали подчиняться гражданским. Маги требовали больше денег. Купцы и промышленники хотели льгот. А дворяне, как обычно, мечтали о новых родовых владениях и дополнительных правах, без расширения обязанностей.

Смута, беда, разброд и шатание. Все сложилось одно к одному. Врагов было слишком много. Удары сыпались на имперцев со всех сторон. Государство разваливалось, и спустя несколько лет после гибели старших Раенов истощенные легионы вместе с этническими морейцами и людьми, продолжавшими хранить верность империи, стали стягиваться к столице. На плечах отступающих висели дружины мятежников, зарубежные наемники, ватаги эльфов и отряды гномов. Но, несмотря на это, легионеры пробились. Они дошли до морейских провинций и спасли всех, кого смогли. И тогда над ними вместо серебристо-красных имперских взвились черные траурные знамена, ибо воины обещали вернуться и отомстить. Пусть даже через сто лет, но посчитаться с теми, кто вырезал мирных жителей, травил на пути беглецов колодцы, предавал и нарушал клятвы.

После этого на границах провинции Саргай остатки мо-

рейских легионов, ополчение и маги остановились. Они заняли оборону по реке Рамайн и дали противнику бой. Несколько месяцев продолжались кровопролитные схватки, и не раз казалось, что еще немного — и имперцам конец, а затем нелюди и предатели прорвутся к столице. Да не тут-то было. Морейцы выстояли, и лидеры сепаратистов, понеся огромнейшие потери, были вынуждены заключить временное перемирие. Лига Достойных оставляла за собой Саргай, Северную и Южную Морею, Партанию, архипелаг Ируа и две северные колонии, Дрангию и Хартоссу. Итого шесть провинций, ставших Морейским царством. А все остальные имперские территории получали независимость и право на самоопределение. Вот только пользы и радости сепаратистам этого было немного.

В Ченстрое, Бардиате и Тлахтао постоянно шли феодальные войны, и десятки тысяч людей ежегодно продавались в Шитторо, где власть снова оказалась в руках некромантов и чернокнижников. Хаджария и Бордон оказались один на один против Лакмании, были разбиты и стали вассалами южан, готовившихся к новому натиску на север. Таррим, Накко и Баир рухнули в пучину дикости и перебили всех морейских целителей, а потом в течение одного года потеряли от чумы половину населения. Басконда раскололась на пять частей. Тирио встала на колени перед Эльсарией. Несковию захватили гномы. В Райно и Рубайате постоянно скапливались наемники и добровольцы, продолжавшие, несмотря на мирные соглашения, вести войну против Морей. Северные колонии и островные архипелаги недалеко от материка обезлюдели, и кругом, куда ни посмотри, лилась кровь. Что поделать? Смутные времена не обходятся без жертв.

Ну а что касательно Морейского царства, то легионы, потерявшие множество бойцов и не получавшие пополнения, были преобразованы в полки и батальоны. Они по-прежнему держали границу и отбивали налеты врагов, а Лига Достойных управляла страной. По крайней мере, пыталась. Но упадок продолжался, и остановить его было трудно. Дрязги среди морейских лидеров раздирали страну на части, и кто знает, к чему бы это привело, если бы не последние Раены, юные близнецы Дьего и Бьерн, которые призвали к себе нескольких боевых генералов и стали действовать.

Не дожидаясь совершеннолетия и опасаясь, что они могут умереть, как старшие родичи, братья ввели в Алькантар войска, утихомирили разбушевавшихся членов Лиги и взяли в свои руки власть. При этом было убито несколько влиятельных сановников, возможно причастных к смерти императора Арниса, и царем стал Дъего. А его брат Бьерн, сильный маг, создал и возглавил отряд «черных клинков», выполнявших тайные поручения Раенов, обеспечивая безопасность государства и отлавливая его врагов.

С той поры минуло свыше ста лет. Морейское царство процветало, хотя цари не имели всей полноты власти, как прежние императоры. Враги отступили и занимались решением своих собственных проблем. И только на границах с разбойничьим Рубайятом происходили постоянные стычки да пираты вблизи берегов шалили. Халифат Лахманидов распался и остановил экспансию. Некроманты и чернокнижники из Шитторо затихли и при помощи порталов в иные пространства занимались исследованием новых миров, а эльфы и гномы подавляли восстания людей на подвластных территориях. Однако положение Мореи, как это ни странно, было плачевным. Годы мира резко увеличили численность населения, казна опустела, а свободных земель и ресурсов не хватало. Близился жесточайший кризис, который мог уничтожить страну, и Эраций Раен оказался перед нелегким выбором. Несмотря на трудности, он не хотел воевать, но ничего другого для решения внутригосударственных проблем повелитель Мореи придумать не мог. Простой народ хотел жить в достатке, а его не было. Люди желали получать продовольствие и иметь собственную землю, а не самые богатые и плодородные северо-западные территории материка Ирахо не могли их прокормить. И тогда царь решил объявить войну соседям. Тем более что память о гонениях более чем вековой давности не забылась и военные жаждали реванша. Но прежде чем бросить в бой армию, следовало решить финансовый вопрос, и Эраций вызвал к себе пятерку самых богатых людей государства, ожидавших его сейчас в тронном зале...

— Надеюсь, что я все делаю правильно, — прошептал Эраций, а затем, словно живым, кивнул каменным близнецам, один из которых умер от яда, а другой погиб в бою с вампиром, и покинул кабинет.

Когда царь вошел в тронный зал, где, кроме князя Ируанского и приглашенных гостей, никого не было, они поклонились ему, а Эраций взмахнул рукой. Гости, солидные люди в расшитых серебряными нитями плащах, присели в резные кресла. Князь Айрик встал возле царя, а Эраций облокотился на подлокотник древнего трона, привезенного первыми морейцами с далекой прародины, и спросил:

— Господа, скажите мне, я хороший правитель?

Чистокровные морейцы из самых знатных семей государства переглянулись, и царю ответил седовласый Сигват Дорат:

— Да, государь, вы хороший правитель.

— А почему?

— Наверное, потому, что продолжаете дело своих предков, деда и отца. Вы не перегибаете палку и не дерете с народа три шкуры, но при этом не даете спуску нашим врагам и вора́м. Это главное, а остальное прилагается.

— Интересно, что значит — остальное.

— Покровительство ученым и чародеям, постоянно нуждающимся в деньгах. Строительство дорог и новых портов. Финансирование сельского хозяйства и рыболовной отрасли за счет государства. Регулярные социальные выплаты малоимущим. Государственные народные школы и больницы. Недопущение рабства в пределах царства и выкуп недоимщиков. Все это бесценно, и на материке не найти еще одного такого правителя, который о государстве и народе думает больше, чем о себе. И это не лесть, мой царь, а чистая правда.

— Что же, господа, — Эраций кивнул, — мне приятно это слышать. Однако я пригласил вас к себе не для того, чтобы выслушивать дифирамбы, а дабы поделиться проблемой... Мы банкроты...

Гости зашумели, но царь снова взмахнул рукой, остановил их и продолжил:

— Вы не ослышались — мы банкроты. В прошлом году от налоговых сборов, торговых пошлин, морских промыслов и серебряных рудников Хартоссы казна получила триста сорок пять миллионов золотых альго. Сумма крупная и впечатляющая, и следует отметить, что она на семь процентов превышает ту, что мы имели в позапрошлом году. Однако потрачено гораздо больше... Пятьсот семь миллионов альго, и это только самые главные, на мой взгляд, затраты: армия, госаппарат,

строительство дорог, портов и стратегических объектов, а также образование и соцвыплаты. Все это очень важно и отмене не подлежит. Поэтому мои планы по устройству справедливого государства неизменны, и отказываться от них я не собираюсь.

Царь замолчал, и Сигват Дорат, оглянувшись на сотоварищей, кашлянул и осторожно спросил:

— И вы, ваше величество, пригласили нас, чтобы взять кредит?

— Да, так и есть, уважаемый Сигват.

— Но это только продлит агонию.

— Разумеется, если кредит проест и растратит на обустройство жизни малоимущих морейцев. Но у меня другие планы. Я собираюсь приумножить капитал и щедро вознаграждать вас за помощь.

— А позволено ли нам будет узнать, каким образом это будет происходить?

— Война, господа. Пришло время, когда мы можем посчитаться с неприятелями и наполнить нашу казну золотом врагов. Это все, что вам нужно знать. И золотые альго, полученные мной от вас, будут израсходованы на армию. Нам нужно больше оружия, магических эликсиров и боевых машин, да и полки снова придется разворачивать в легионы.

Сигват Дорат, чей прадед бежал из объятого мятежом Таррима в одних подштанниках, прижав к груди единственного сына, оскалился, будто волк, и в его глазах блеснул злой огонек. Остальные приглашенные отреагировали точно так же — все они были общеизвестными милитаристами, поддерживавшими придворную военную партию, и Дорат спросил:

— Какую сумму желает получить царский дом от нас, своих верных слуг?

— Четыреста миллионов альго одновременно в течение трех дней.

— Это огромные деньги. — Сигват покачал головой, помедлил и согласно мотнул головой: — Однако на святое дело ничего не жаль. С меня сто миллионов. Уже завтра.

Остальные гости поддержали старика, и царь улыбнулся. Все шло согласно плану, и отступать было поздно. Машина запущена, дело сдвинулось с мертвой точки, и уже через полгода царские войска пересекут полноводный Рамайн и начнут наступление на ненавистный Рубайят.

ГЛАВА 1

В подземельях было тепло и по-особому уютно. Поэтому я скинул полушубок, поправил ножны с коротким мечом и принялся.

Вековая пыль, потревоженная шагами людей. Сырая кожа. Пот моих спутников: резкий конский от дядьки Эльвика, моего верного воспитателя, сопровождавшего меня, сколько я себя помню, и еле слышный травяной от лихого следопыта Тео. Промокший мех верхней одежды и сгоревшая смола факелов.

Ничего необычного, и никаких посторонних запахов. Так и должно быть. Я потянулся к потокам невидимых магических сил, пронизывавших все вокруг, зачерпнул крохотную толику и преобразовал чистую энергию в огненную. Все это делалось на ходу, привычно и без каких-либо усилий: сказывался опыт и природный талант. И когда заклятие «огненная бабочка» было сформировано, я выпустил его из ладони.

Огненный мотылек завис под сводами и затрепетал крыльшками. Сумрак древней пещеры озарился неярким светом, и, не оборачиваясь, я сказал:

— Тео, веди.

Опытный северный бродяга, втрое старше меня, сопляка благородных кровей, не спорил. Да это и понятно. Земли в радиусе сорока миль вокруг родового замка баронов Руговилов наши, а он на них живет и промышляет. Значит, зависит от нас. А помимо того мы с Тео знакомы не первый год, и он прекрасно знает, на что я способен и каковы мои жизненные интересы. Отсюда уважение и подчинение.

— Следуйте за мной, господин Оттар, — сказал он. — Рисунки, о которых я вам говорил, дальше. Здесь недалеко.

Мотылек полетел вперед. Тео пошел за ним, а мы с дядькой Эльвиком следом.

Шли недолго. Пересекли пещеру. Свернули в узкий проход под уклоном. Спустились в неширокую камеру. Отсюда еще один коридор, и он вывел нас в следующую пещеру. Стены ровные, и вдоль них вырубленные в камне уровни-карнизы, каждый в ширину от двух до трех метров. В центре подземного помещения углубление с чистой водой, стекавшей с подволока. А в дальнем конце пещеры пара дополнительных выходов.

В общем, неплохое убежище, где когда-то жили древние люди, которых принято считать дикарями, тупыми и безмозглыми. Но я с этим был не согласен и пару раз пытался объяснить своему почтенному батюшке, барону Алану Руговиру, что нельзя на месте заброшенного тысячи лет назад горного поселения разворачивать добычу камня. Однако он человек упрямый и никого не желал слушать, тем более меня, своего младшего сына, не похожего на старших братьев. И, получив подзатыльник, я замолкал, а горные работы на горе Ястребиная продолжались, и жилища древних людей уничтожались без всякой жалости. Печально. Ведь наскальную живопись не восстановить, и археологические находки воспринимались моей родней словно мусор. Поэтому все, что я мог, — это собирать собственную коллекцию да выезжать в пещеры, которые для меня были дороже родного замка, и здесь делать зарисовки с наскальных рисунков.

— Господин Оттар, вот они.

Тео кивнул на правую стену, и я заставил мотылька полететь к ней. Действительно, рисунки древних здесь имелись, и было их немало, не меньше четырех сотен.

«Надо будет работягам, обнаружившим эту пещеру, пару медных монет на пиво выделить, да и следопыта забывать нельзя», — отметил я и подошел к стене.

Итак, что мы имеем? Человек с копьем замахивается и хочет поразить оленя. Мужчина на лодке острогой бьет рыбу. Женщина с ребенком на руках стоит на коленях перед треугольным алтарем. Бородатый старик разжигает костер. Конь бежит по полю. Все рисунки сделаны опытной рукой, уровень выше среднего, и использовано три вида красок. Но в целом в этом не было ничего необычного. Самые распростра-

ненные бытовые сцены, и меня они интересовали постольку-поскольку. Главное, ради чего я полдня ехал по заснеженным полям, с одной большой остановкой в рыболовецком поселке, находилось ниже. Иероглифы древних, может быть, одни из первых в нашем мире. Ценная находка. Без сомнений. И я протянул Эльвику ладонь:

— Дядька, давай карандаш и альбом.

— Держи.

Эльвик передал то, что я просил, а затем вместе с Тео отошел в сторону — они люди приземленные, и слово «археология» для них просто набор звуков. Ну а я занялся делом, присел на круглый булыжник, положил обтянутый тонкой кожей альбом на каменную ступеньку и начал делать зарисовки. Один иероглиф. Второй. Третий. Черточка к черточке. Линия к линии. Работа спорилась, и я, узнавая иероглифы, попадавшиеся мне ранее, улыбался. Кажется, повезло. Передо мной древний букварь-азбука. Рисунок, а под ним иероглиф. Возможно, древний человек обучал в этом месте сына или группу подростков, а теперь здесь моя скромная персона пытается разобраться в том, как и чем жили наши предшественники.

Прошел час. За ним другой. Спина затекла, а мотылек стал гаснуть. Энергия, которую я в него вложил, почти иссякла. И, подзарядив магическую бабочку, я покинул «рабочее место» и подошел к своим спутникам.

Дядька Эльвик знал, что мне нужно, и протянул сверток с едой. На обед копченая свинина, кусок рыбного пирога и сыр. Еда незатейливая, но сытная. В нашем походе все по-простому и без изысков.

Отрезав пластинку мяса, я закинул ее в рот и, пока ел, разговаривал со следопытом:

— Тео, дальше из этой пещеры ходили?

— Да, — отозвался он.

— И как?

— Никак, господин Оттар. Завалы, а рядом с ними кости человеческие, мелкие осколки гномовых секир и рваные куски ржавых кольчуг. Ничего интересного.

— Понятно. Но если что-то еще найдется, сразу ко мне.

— Само собой. Отнорков в горе много, так что находки будут. Кстати, есть у меня на примете парочка пещерок. С виду

самые обычные, но заметно, что раньше к ним тропки были протоптаны. Могу сводить, вместе посмотрим, что там.

— Времени нет, Тео. Батюшка послал меня охотников проведать, а я здесь. Так что надо поторапливаться.

Следопыт промолчал, а Эльвик, мой воспитатель, осуждающе покачал головой, и непонятно, кого он осуждал, то ли меня, то ли отца. Да и не важно это. Поэтому, быстро перекусив, я снова занялся копированием иероглифов, и, пока руки делали привычную работу, в голове бился один вопрос, который я задавал себе едва ли не каждый день: «Почему я не похож на своих родственников?»

Мой отец барон Алан Руговир. Воин и чародей, как и большинство морейских дворян. У него есть замок, мощное и величественное укрепление. У него дружина в три десятка всадников. У него жена-красавица, урожденная баронесса Норнасс, подарившая мужу крепких детей. У него богатые земли: поля, каменоломни, большое богатое рыбой озеро и лес. У него пятнадцать деревень и полторы тысячи трудолюбивых крестьян. У него самые лучшие лошади на севере. А еще у него пять сыновей. Как он сам говорит — четверо умных, а один странный. Не сложно догадаться, что странный — это я, Оттар Руговир, восемнадцатилетний баронет, который умеет обращаться с мечом, и магию освоил, и дикого упыря в прошлом году убил, а этой осенью матерого секача лично на рогатину принял. То есть не слабак и не нытик. Но, по мнению родителя, до старших братьев мне далеко, и в чем-то он прав.

Старший брат, Рой Руговир, светский лев и знатный дуэлянт, блистает при дворе нашего доброго царя Эрация и состоит в свите князя Айрика Раена. Второй, Ангус Руговир, приумножает богатства семьи, тоже проживает в столице и занимается торговлей. Третий, Годрик Руговир, мореход, и у него собственный корабль, превосходный каракк. Четвертый, Рикко Руговир, несмотря на молодость, уже сильный боевой чародей. И на их фоне я действительно белая ворона, которого даже мать сторонится, словно чужака. Магией заниматься не хочу, что освоил, то и хорошо, а большего не надо, потому что приходится напрягаться. Путешествовать ради добычи неинтересно. Служить в армии опять-таки желанием не горю, хотя числюсь корнетом запаса в одном из ре-

зервных пехотных полков провинции Дрангия. А приумножать богатства семьи на родовых землях и погонять крестьян скучно.

Нет. Все это не то. Моя страсть книги, древние загадки и конечно же пещеры. Вот что влекло меня более всего. Но развернуться было негде и не с чего, особенно когда глава семьи против. И что мне делать дальше, я не знал.

Конечно, пора уже выходить в свет, и хотелось бы уехать в Алькантар. Можно было попробовать с братом Годриком в океан сходить или с Рикко позаниматься магическими искусствами, а потом, получив независимость, продвинуть собственные проекты. Однако отец держит меня при себе, и он против того, чтобы я покидал родные края. Барон считает, что мне нужно жениться на младшей дочке нашего соседа графа Дирнафа, шестнадцатилетней Валенсе, и обеспечить его внуками. А помимо этого на меня возлагаются обязанности хранить родовые земли, которые в итоге достанутся брату Рою. И если, с его точки зрения, это правильно, то мне сие не нравится. Категорически. Не хотелось бы всю жизнь просидеть на севере, где снег по полгода лежит, а потом быть при старшем родиче приживалой.

Впрочем, пока все вилами по воде писано, и если ничего в моей жизни не изменится, тогда я сбегу. Честное слово — соберу котомку, оседлаю верного жеребчика, и в путь. Царство у нас немаленькое, найду себе место. Тем более что есть адрес профессора Теско, возглавляющего Царскую академию наук. Было дело, я писал ему письма с описанием моих археологических находок и теориями их происхождения, но ответа так и не получил. Скорее всего, профессор счел эти послания бредом провинциального выскочки. Но если бы я встретился с ним лично, возможно, получилось бы убедить авторитетного ученого в правильности моих идей и это изменило бы всю мою жизнь. Хотя очень может быть, что не только мою.

«Эх! — вздохнул я мысленно. — Мечты-мечты».

Неожиданно, нарушив тишину пещеры, от входа раздался шум, и я обернулся. Правая рука по привычке легла на меч, а в левую я перегнал магическую энергетику для формирования боевого заклятия. Мало ли, вдруг под землю проникла дикая хищная тварь, каких у нас на севере хватает, или моло-

дой вампиреньш, голодный и жаждущий крови. В наших краях такие гости не редкость, и люди, бывает, целыми деревнями без следа исчезают, так что надо всегда быть начеку. Это закон.

Однако в пещеру заглянул человек, знакомая личность, десятник отцовской дружины Айк Юссир, похожий на медведя здоровяк.

«Сейчас начнется, — подумал я. — Наверняка десятника отец послал, чтобы проконтролировать меня. А когда Юссир приехал на заимку охотников, то узнал, что я помчался к горе, и кинулся следом. Так что теперь достанется мне на орехи, потому что дружинник молчать не станет. Он отцу все как есть расскажет, а батя такой человек, что может и ударить. Хотя не страшно. Просто неприятно — это точно».

— Тебе чего? — кивнул я десятнику.

Дружинник оглядел пещеру, кивнул Тео и Эльвику и только после этого ответил:

— Господин Оттар, барон вызывает вас в замок. Срочно.

— А с чем это связано?

— Не могу знать. — Юссир повел плечами. — Знаю только, что в замок примчался гонец от наместника провинции.

Я тяжело вздохнул. Только две трети иероглифов успел скопировать, и, когда снова из замка на волю вырвусь, не ясно. Жаль. Но медлить нельзя. Раз отец вызывает, необходимо возвращаться. Да еще и срочно. К чему бы это? Может, с кем-то из братьев неприятность случилась? Или меня решили женить раньше срока? Или на границах снова неспокойно? Вариантов много, а подробности можно узнать только дома.

— Собираемся, — сказал я Эльвику и кивнул следопыту: — Тео, проследи, чтобы сюда никто не лазил.

— Наконец-то возвращаемся... — еле слышно проворчал дядька. — В тепло, к бабам, к поварне поближе... А то носимся по полям да по пещерам ползаем... Будто нам заняться больше нечем...

— Будет сделано, господин Оттар, — покосившись на дядьку и усмехнувшись, сказал следопыт. — Посторонних не пущу. Не извольте беспокоиться.

Захлопнув альбом, я почувствовал, как непонятно отчего сжалось сердце. Предчувствие неприятностей или перемен.

Непорядок. Но, спрятав карандаш в карман, я встряхнул головой, прогнал дурные мысли и направился к выходу.

Когда я вернулся в родовой замок, то думал, что отец примет меня в личных покоях. Но в этот раз все было иначе. Родитель находился в моей комнате, которую он обычно не посещал, и, прежде чем зайти к себе, я замер перед ростовым зеркалом и постарался успокоиться.

Вдох-выдох! Дыхание выровнялось, и я окинул себя взглядом. Среднего роста русоволосый и голубоглазый юноша. Типичный мореец. Округлое лицо, светлый пушок под носом и на щеках, прямой нос, прическа короткая. Одежда, конечно, грязная, а батя этого не одобрял. В далеком прошлом он несколько лет служил на границе, где воевал с налетчиками. Там барон дослужился до командира роты и лейтенанта, и это наложило отпечаток на всю его жизнь. Поэтому от всех домочадцев, не говоря уже про дружинников и слуг, он требовал порядка. И по-хорошему, мне следовало помыться и переодеться, прежде чем предстать пред его очами. Однако не судьба, и, приготовившись к возможному разному, я вошел в свою комнату.

Отец стоял возле стены, на которую я наносил иероглифы Древних, так сказать, для наглядности. Сложив руки за спиной, на лице ни единой эмоции, слегка постукивал носком правого сапога по деревянному полу. В общем, он был несколько раздражен, но не разгневан, и это добрый знак.

— Добрый день, батюшка, — сказал я и встал рядом с родителем.

«Сейчас он поинтересуется, где я был и почему так долго добирался», — промелькнула мысль. Но отец покосился на меня, кивнул на стену и спросил:

— Эти знаки что-то означают?

— Да, — ответил я и пальцем стал указывать на знакомые символы: — Огонь. Ветер. Вода. Человек. Меч. Копье. Олень. Волк. Дуб. Рыба. Звезда. Светило. Капкан. Ловушка. Камень.

— И какой от них может быть прок?

Вопрос был старый, и если раньше мои объяснения не удовлетворяли отца, а порой и бесили, то с тех пор я многое переосмыслил. Поэтому про личный интерес и тягу к научной деятельности говорить не стал, а зашел с другого бока.

— Отец, эльфы и гномы утверждают, что они были первыми поселенцами на материке Ирахо и первопроходцами нашего мира. Следовательно, люди должны признать их превосходство и старшинство. Но мои находки свидетельствуют об обратном. Наши далекие предки проживали на этих землях задолго до остроухих и коротышек, а значит, гости не мы, а они. И это лишь политический аспект, а есть иной, практический.

Батя покосился на меня и одобрительно кивнул:

— Продолжай.

— Иероглифы, которые я копирую, несут в себе не только смысловую нагрузку, но и магическую. Многие знаки Древних похожи на руны, используемые некоторыми нашими чародеями. Однако рун, известных морейцам, всего лишь три десятка, а иероглифов тысячи. И если вычленить истинную суть каждого знака, то магических рун станет намного больше и рунная магия получит развитие. Но для этого необходимо много работать и привлекать к делу специалистов.

Отец помолчал, а затем кивнул и сказал:

— Если бы я услышал подобную речь раньше, твоя судьба сложилась бы иначе. А сейчас это пока не важно. Пришел твой черед покинуть родовое гнездо, и, прежде чем ты оставишь стены родового замка за спиной, я хочу открыть тебе тайну.

Было мгновение, когда отец замялся, словно принимал тяжелое решение. Но затем он взмахнул рукой и выдохнул:

— Ты мой сын, но твоя мать никогда не была моей женой.

Суть этих слов дошла до меня не сразу, и я впал в ступор. Как так?! Неужели баронесса не моя мать?! Может быть, отец пошутил? Но это злая шутка, и если ей верить, то я бастард.

Однако, поймав взгляд отца, внимательный и одновременно с этим оценивающий, я понял, что он говорит правду. Это был не розыгрыш, и, присев на стоявший у окна стул, я попросил его:

— Расскажи мне все.

— Все тебе знать не надо, Оттар. Да и не знаю я всего. Не вижу общей картины, только фрагменты. Но часть истории твоего появления на свет ты узнаешь. — Барон вздохнул и продолжил: — Девятнадцать лет назад вместе с дружинника-

ми я патрулировал северную границу моих владений и напорлся на стаю волков-оборотней. Этих тварей было немного, всего пять, но догнать их не получалось, матерые монстры. Однако мы преследования не бросали, гнали их к океану и уничтожили бы тварей, но начался буран. Лошади остановились. Силы воинов иссякли. Ничего не было видно. Кругом мрак, а магия не помогала: слишком много помех. Поэтому решили переждать бурю. С трудом разбили лагерь и укрыли коней. Обычное дело, и все бы ничего, но я заблудился. Вышел из палатки, отошел от стоянки на несколько шагов и потерялся, словно кто-то отвел глаза. Ориентиров никаких, и я побрел сквозь метель. Долго шел и, скорее всего, просто замерз бы и погиб, однако услышал женский голос, звавший меня по имени. Делать было нечего, я двинулся на зов, проломился через сугробы и упал в прикрытую коркой снега глубокую расщелину. От удара потерял сознание, а очнулся в пещере, примерно в такой же, в каких ты находишь свои иероглифы...

Отец поморщился и снова заговорил:

— Рядом со мной была прекрасная женщина. Она представилась как Чара из рода Гаукейн, и потом произошло то, чего я никак не ожидал. На время я потерял разум. Мне хотелось обладать этой красавицей, и я позабыл про дом, семью и детей. А она мне не отказала, и мы провели с ней несколько дней. Наверное, самых лучших дней в моей жизни. Все это время я не думал ни о чем плохом, не мечтал и не строил планов. Мир был сам по себе, где-то далеко, за снежной метелью, а я тонул в глазах Чары, вне всякого сомнения, мощной чародейки, пленившей меня. Но ничто не вечно. Буран стал утихать, и моя возлюбленная, о которой я не знал ничего, сказала, что уходит. Ну а меня она освобождает, и через девять месяцев плод нашей любви окажется под дверями моей спальни. Вот так мы расстались. Чара ушла по подземному коридору, а я вышел из пещеры и обнаружил лагерь дружинников, оказавшийся совсем рядом...

Снова пауза, и я поторопил отца:

— А что было дальше?

— Дальше? — Отец слегка дернул шеей и усмехнулся. — Так и не догнав оборотней, мы вернулись в замок, и я решил не рассказывать жене о том, что со мной произошло. Но она

женщина неглупая и проницательная, и для нее моя душа словно раскрытая книга. Поэтому вскоре она узнала обо всем, и начался кошмар. Скандалы, слезы, ругань. Все как в обычной семье, и если бы не дети, возможно, она покинула бы меня. Ну а так-то еще и ничего. Время примирило нас, и мы стали ждать срока, о котором говорила Чара. Ждали терпеливо и дождались. Спустя девять месяцев, день в день, минуя тройные караулы и собак, кто-то проник в замок. Каким образом, до сих пор не понимаю. В непогоду, через глубокий ров и через стены, в мое жилье кто-то пробрался, и мы с баронессой проснулись оттого, что под дверями спальни услышали плач. Это был ты, мой сын. И сомнений в нашем родстве не было — я все-таки маг, хоть и не сильный. Поэтому, дабы не разглашать историю, которая могла опорочить меня и скомпрометировать семью, мы с баронессой признали тебя своим сыном. Такая вот история, Отгар.

— А почему ты не рассказывал о моем происхождении раньше?

— Несколько раз собирался, но духу не хватало, и постоянно что-то мешало.

— И много людей знает правду?

— Сейчас, вместе с тобой, семь человек. Мы с женой, твои братья, на крови поклявшиеся молчать, и ты. Больше никто. Разве только слуги из стариков могут догадываться, но догадки мелочь. И если вдруг выяснится, что баронесса тебя не рожала, то в этом нет ничего страшного. Люди подумают, что я погулял с красивой крестьянкой, и только.

— А что с моей настоящей матерью? Ты искал ее?

— Да. Неоднократно, потому что хотел понять, почему Чара так поступила и кто она такая. Но поиски ничего не дали. Я даже пещеру, где мы были вместе, не нашел. Однако кое-что все-таки выяснил. Оказывается, подобное в наших краях происходило и раньше, и в некоторых семьях благородной крови появлялись малыши, которых главы семей признавали своими потомками.

— И что с ними происходило?

— Ничего, потому что они жили как все и ничем не выделялись. Вот разве только пещеры любили. Как ты. А больше странностей не было. Хотя кто знает? Про такие случаи гово-

рят полушепотом и с оглядкой, на всякий случай, а значит, истину узнать сложно.

В голове царил кавардак, очень уж все неожиданно. Но был в исповеди отца и жирный плюс. Теперь я понимал, что со мной не так и отчего баронесса терпит меня, но никогда не приласкает. Тут все ясно, и я спросил родителя:

— Отец, а почему ты решил открыться именно сейчас?

— Я же говорю — ты покидаешь замок. Пришла твоя пора оставить меня, и что с тобой будет дальше — лишь богам ведомо.

— Однако еще пару дней назад ты не хотел меня отпустить.

— Не хотел. Верно. Но полк, к которому ты приписан, разворачивается до штатной численности и выступает в Северную Морею. Таков приказ царя, и я расцениваю это как знак судьбы, не желающей, чтобы ты прозябал на севере. Поэтому на сборы тебе три часа. С тобой отправится десятник Юссир — человек опытный, десять лет в войсках, и сержантом был. Ну и дядьку Эльвика прихвати — он еще не старый и может пригодиться. Деньги принесет казначей, полсотни альго на первое время хватит. Перед отъездом посети баню, от тебя смердит. Карета будет ждать у ворот. Там простимся как положено... Вопросы?

— Мать... — Я запнулся и поправился: — Баронесса меня проводит?

— Нет. Честно говоря, она воспринимает твой отъезд как благословение небес.

— А что будет с Валенсой?

— А ты хочешь жениться?

— Пока нет.

— Вот и забудь про нее. Она девушка видная, и приданое за ней хорошее, так что не пропадет. А ты себе, если выживешь, другую найдешь, по любви, а не по сговору родителей.

Старший родич был немногословен и краток. Ошарашенный известиями, я никак не мог прийти в себя. По этой причине только кивнул и выдал из себя:

— Я понял, отец.

— Тогда служи честно, сын, и не опозорь фамилию. В первую очередь ты Руговир и мореец и только после этого сын

северной колдуньи, про которую люди сочиняют сказки и легенды.

Батя хлопнул меня по плечу и направился к выходу, а я проводил его к двери и замер. Оглядел просторную и светлую комнату, где прожил большую часть жизни, и вздохнул.

Стол и пара стульев, платяной шкаф, стойка для мечей и кинжалов, избитая метательными клинками мишень и рисунки древних иероглифов на противоположной стенке, три сундука и постель. Всего этого мне хватало, и вот теперь я должен покинуть отчий дом. Возможно, навсегда. Ведь не просто так царь собирает резервные полки дальних провинций. Наверняка грядет война — это самый очевидный вывод. И если так, то мне деваться некуда. Из всей нашей семьи я единственный, кто был недорослем записан в военный резерв. Но поскольку полк у нас запасной, то порядки в нем были простые. Ежегодно отец отсылал полковнику подарок, а тот отмечал, что я посещаю военные сборы. И таким образом я дослужился до корнета, а через пять лет мог бы и поручиком стать, а затем лейтенантом. Что характерно, без муштры и службы. Ну а сейчас этот номер не пройдет. Служить придется, и я в общем-то не имею ничего против. Хотел вырваться в большой мир? Да. Тогда получай. И единственное, о чем я буду жалеть, — это о любимых пещерах и наскальных росписях.

Впрочем, мои записи останутся со мной, да и несколько научных трактатов, часть из которых на эльфийском языке, можно прихватить. Так что работа над расшифровкой иероглифов древних людей продолжится. Однако это потом, а пока пора собираться в путь-дорогу...

В назначенный срок я уже был у ворот. Простился с отцом, получил тяжелый кошель с золотом и выехал за ворота.

Карета пересекла подъемный мост и оказалась на дороге, которая выведет нас на тракт, связывающий Хартоссу и Дрангию. На душе было немного тоскливо, а помимо того стало казаться, что за мной кто-то наблюдает. Нечто подобное со мной и раньше случалось, в основном в пещерах. И ощущение взгляда было настолько сильным, что в нескольких милях от дома я приказал вознице остановиться и вышел.

Вокруг заснеженные холмы. Ничего подозрительного, и,

махнув рукой, я вновь забрался в карету и поехал навстречу своей судьбе.

На одном из холмов стояла молодая женщина, стройная красивая брюнетка в охотничьем костюме, и наблюдала за парнем на дороге. Он оглядывался, словно что-то выискивал, и его взгляд иногда скользил по фигуре женщины. Но парень ее не замечал, а потом он резко взмахнул рукой, сел в карету и продолжил свой путь, а брюнетка улыбнулась и щелкнула тонкими аристократическими пальцами.

Снег взметнулся, и из сугроба выскочил волк, матерый самец белого цвета, прижался к ногам красавицы, приподнял морду и поймал ее взгляд.

«Следуй за Оттаром, — брюнетка отправила волку мысленный посыл. — Присматривай за ним и будь рядом».

Зверь не ответил, хотя мог. Он все понял. Приказ был ясен, и волк медленно затрусил вдоль дороги вслед за каретой. А Чара Гаукейн удовлетворенно кивнула. Пока все шло по плану. Очередной потомок Древних, ее сын, отправился в путь, и, возможно пройдя через битвы, испытания и сражения, он вернется назад, на север, и исполнит то, что должно. Ведьма снова щелкнула пальцами. Опять взметнулся снег, и когда снежная пыль, засыпая следы, опала, на холме было пусто.

ГЛАВА 2

— Проходите, корнет.

Адъютант прославленного на севере полковника Рифа, нашего земляка, командира 48-го запасного пехотного полка, кивнул на кабинет начальника. Ну а я, выдохнув, одернул новенький темно-красный мундир, купленный всего пару часов назад в городе, вошел и остолбенел. Не от волнения, как можно было подумать, хотя я волновался, а от того, что увидел. Ведь я ожидал, что войду и предстану перед старшим офицером, чье имя оваяно славой и чья репутация честного воина кристально чиста и не подвергается сомнениям. И как всем известно, такой человек должен быть мужественным, опрятным и производить приятное впечатление. Тем более

что адъютант командира части, капитан Татцу, показался мне образцовым офицером царских войск, от него пахло одеколоном, он выглядел как аристократ и произвел на меня хорошее впечатление. Но полковник Хассо Риф, судя по всему, героем был неправильным или, если выразиться несколько иначе, нестандартным.

И что же я увидел?

В просторном кабинете командира полка пахло застарелой рвотой, прокисшим вином и табаком. Из мебели два старых кресла на витых ножках и потертая кушетка, на которой спала совершенно голая женщина, скажем так, в возрасте и с огромными обвисшими грудями. А в центре помещения находился массивный дубовый стол, и за ним восседал сам полковник, косматый мужик с рожей разбойника в грязном шелковом халате, и его глаза были закрыты. Видимо, командир полка был пьян и дремал, а я не знал, как на это реагировать. Но колебался недолго и решил действовать по уставу — это наилучший вариант. Поэтому я сделал шаг вперед, встал по стойке «смирно» и бодро доложил:

— Господин полковник, корнет Оттар Руговир прибыл для прохождения службы во вверенном вам подразделении!

Полковник приоткрыл один глаз, помолчал и прохрипел:

— Заткнись.

Я замолчал, а командир полка покосился на проснувшуюся женщину и спросил ее:

— Марта, ты еще здесь?

Женщина что-то пробурчала, а Риф попросил:

— Дорогуша моя, сделай доброе дело, принеси рассола, а то башка раскалывается, спасу нет.

Без какого бы то ни было стеснения, не пытаясь прикрыть наготу, женщина встала и, на ходу почесывая подмышки, вышла из кабинета. После чего мы с полковником остались одни, и он, потеряв глаза, посмотрел на меня и кивнул:

— Бумаги.

Из планшетки я извлек личный паспорт с магическим отриском и документы, согласно которым служил под командованием Рифа уже седьмой год, начиная с недорослей. Все как положено. Ведь я не какой-то там бродяга, а выходец из древнего рода, и мой отец в свое время вместе с полковником вдоль границы бегал и резал вражеских наемников. Боевое

братство не забывается и кое-что значит, а помимо этого к чему-то еще и обязывает.

Риф нагнулся, вынул из сапога тонкий стилет и вскрыл конверты. Затем он бросил косо́й взгляд на официальный документ, вызов в полк, который сам же и подписывал, а потом заглянул в паспорт, содержащий все мои личные данные: описание облика, место и дату рождения, особые приметы, титул и статус.

— Порядок. — Он скривился, словно съел что-то кислое, и документы упали на стол, поближе ко мне.

Я ожидал, что сейчас полковник скажет традиционные слова, встречающиеся в военной беллетристике. Что-то вроде: «Добро пожаловать в наш славный полк, корнет» или «Царь получил еще одного храброго воина, и это хорошо». Но полковник молчал и о чем-то размышлял, а может быть, пытался собраться с мыслями после перепоя. И томительная пауза тянулась долго, несколько минут, до тех пор, пока не появилась Марта, уже одетая в платье с глубоким декольте, и принесла командиру полка кувшинчик с рассолом.

К счастью, женщина не задержалась, а иначе она могла бы меня смутить: больно шалый у нее взгляд, не говоря уже о поведении. Она только покосилась на меня, и я слегка покраснел, ибо в наших краях подобное поведение считалось бесстыдным. Но женщина вновь удалилась, а Риф припал к кувшинчику, сделал несколько жадных глотков и только затем решил со мной поговорить.

— Корнет, я знаю, что ты ждешь от меня приветствия и напутствия, мол, служи честно, и родина тебя не забудет. Однако ты ничего подобного не услышишь. Вместо этого я задам тебе несколько вопросов, на которые хочу услышать краткие, честные и четкие ответы. Ты готов?

— Так точно, господин полковник! — гаркнул я.

— Тише-тише. — Риф поморщился и взмахнул рукой, а затем задал мне первый вопрос: — Корнет, ты когда-нибудь людьми командовал?

— Да, десятком конников в дружине отца.

— Это все?

— Еще бригадами каменотесов, охотников и рыболовов руководил. До пары сотен человек под рукой было.

— И как успехи?

- Справлялся.
- Ну хоть что-то. Людей с собой много привез?
- Двоих, слугу и десятника дружинного в помощь.
- Здесь не дружина.
- Он отставной сержант третьего полка.

— Тогда действительно воин. Зачислим его в штат полка как добровольца с сохранением звания. Будет при тебе, а то сержантов не хватает, особенно опытных. А теперь скажи, как у тебя с военной подготовкой?

— Отец гонял, так что многому научил. Конный бой, пеший и рукопашный. Стрельба из лука и арбалета. Меч, копье, секира, кинжалы, рогатина. Тактика пехотного подразделения. А потом еще у следопытов немного опыта поднабрался. В общем, умею практически все, а что не освоил, буду перенимать на ходу.

- Проверим. Ну а с магией что?

Я протянул вперед правую ладонь, и на ней заплесало пламя.

— Основы есть. Атака. Защита. Исцеление. Магом не стал, усидчивости не хватило, но легкой добычей для вражеских колдунов не стану.

— А для чего полк разворачивают и в Северную Морею перебрасывают, понимаешь?

— Думаю, это связано с войной. — Огонь на ладони погас. — Или враги вторжение готовят, либо мы собираемся границу перейти.

- Логично. А что скажешь насчет своих обязанностей?

Тут я немного замялся, ибо вопрос не содержал никакой конкретики. Пехотный полк царской армии по штатам военного времени включает в себя две тысячи человек. Из них одна тысяча шестьсот рядовых воинов, двести сержантов и двести офицеров, из которых половина младший командный состав, корнеты и поручики. Но поскольку ранее я в полку не появлялся, да и вообще впервые столкнулся с настоящими военными в их естественной среде обитания, ответить было сложно. Ведь до сегодняшнего дня Оттар Руговир числился адъютантом командира четвертого батальона, то есть должность так себе, на посылках и в разгоне. Но теперь, по логике, меня должны были поставить в строй. И в этом случае не ясно, кем я стану. Возможно, командиром взвода, начальни-

ком ротного обоза или артиллеристом, под началом которого будет полевая баллиста. Короче, все зыбко, и я пожал плечами:

— Многое будет зависеть от того, какую должность я займу, господин полковник.

Риф кивнул, как мне показалось, с удовлетворением и дал вводную:

— Допустим, ты командир взвода. Каковы твои дальнейшие действия, когда ты покинешь этот кабинет?

— Для начала я узнаю, кто мой ротный командир и где его найти. Затем доложусь по команде, приму имущество взвода, встану на квартиру, построю подразделение, проведу смотр и обойду казарму. Ну а далее выполняю все команды ротного и тренирую личный состав согласно учебному плану. Это пока мы находимся в базовом лагере, а во время боевых действий...

— Понятно. — Полковник остановил меня взмахом руки. — Твой папаша тебя готовил, и это заметно. А каков ты в деле, увидим. Однако это позже, так сказать, в процессе службы. А пока, корнет Руговир, слушай меня и запоминай. Наш полк самый северный, и мы находимся на отшибе. Личного состава у меня в данный момент сорок семь офицеров, полсотни сержантов и сотня рядовых сверхсрочников. В основном старики и увечные воины, потому что сорок восьмой полк находится в лагере уже семнадцать лет, проверок нам не устраивают и учения проводились пять лет назад. На складах, которые мы охраняем, старое вооружение. Конского парка нет. Баллисты сгнили. Маг в полку только числится, а сам постоянно болеет. И я говорю тебе это, чтобы ты понимал — здесь героям ничего не светило. Здесь люди дослуживали до пенсии и не более того. Поэтому я, боевой офицер, ничего не мог изменить, ибо финансирование шло по остаточному принципу. Но вот поступил приказ — за месяц довести полк до штатной численности и выступить. И мои офицеры понимают, что это невозможно. Однако я намерен сделать все, что в моих силах, а значит, будь готов к тому, молодой Руговир, что спать ты будешь мало, а бегать много. А должность твоя на данный момент — командир второй роты второго батальона. Это временно, пока не появится кто-то повыше званием и более опытный. На день, максимум на два. Ты меня понял?

— Так точно, господин полковник.

— В таком случае свободен. Увидимся в полдень, в офицерском клубе.

Полковник говорил уверенно, и ему хотелось верить. Но я почему-то не верил. Не может запустивший себя, пьющий человек, который берет подарки от местных аристократов и держит в кабинете шалаву, быть хорошим командиром. Вот раньше, да, наверняка он был славным воином, а теперь это алкоголик. Однако молчание золото, и вслух я этого не сказал. Разумеется. И когда Риф отпустил меня, коротко кивнул и, придерживая рукоятку меча левой рукой, развернулся и вышел. Я только что получил первую должность.

— Что скажешь, корнет? Как тебе наш полковник? — спросил меня капитан Татцу, когда я покинул кабинет Рифа.

«Начальство обсуждать можно только в своем кругу, а лучше вообще этого никогда не делать и свои мысли держать при себе», — вспомнился мне завет отца, и, глядя на улыбающегося адъютанта, я развел руками и тоже улыбнулся:

— Нормально.

— А куда полковник тебя направил?

— Вторая рота, второй батальон. Временно. Кстати, господин капитан, не подскажете, где можно найти моего непосредственного начальника?

— Он сейчас в городе. Новобранцы еще не прибыли, и мы пока живем по-старому. Без суеты, как привыкли. Так что появится он только в полдень, на совещание в офицерском клубе. Там его и увидишь, корнет. А сейчас занимай место в казарме, пока есть такая возможность, и прогуляйся. Провожатого я выделю.

— Ясно, господин капитан.

Спустя четверть часа я уже находился в казарме. Обычный заснеженный деревянный барак, холодный и пустой, а рядом брусчатый плац и еще два таких же строения. Это батальонный сегмент на огороженной частоколом полковой территории, а дальше другие полковые сегменты. Снова казармы, конюшни, кузни и штаб, за ним склады с ветхим вооружением, просроченными продовольственными припасами, палатками и обмундированием. А вдали виднеются каменные башни города, главного поселения провинции Дрангия, сорокатысячного Дагардаза, где я пару раз бывал вместе с отцом и братьями. Только что туда направилась карета, до-

ставившая меня к месту службы. И пока недовольный своей участью Эльвик готовил для проживания офицерскую комнату на пять человек, где имелась своя печка, я провожал взглядом карету, и мне хотелось вернуться в родовой замок.

— Тоскуете, господин Оттар? — услышал я голос Юссира, который остановился рядом.

— Не знаю, Айк, — честно ответил я десятнику, приставленному отцом ко мне в помощники. — Не так я себе военную службу представлял, и от этого есть какое-то внутреннее неудовлетворение.

— Ничего, все наладится. Пока вы с полковником беседовали, я с сержантами потолковал. Многого от нашего полка не ожидают. Лишь бы новобранцев собрали, одели и обули да в Северную Морею довели. А там наш полк, скорее всего, сделают учебным. Воинов раскидают по боевым частям, а офицеры займут лагерь регулярного подразделения и тихомирно будут служить. Однако не все, только старики и ветераны, а молодых отправят на фронт. И если вам нужен мой совет, господин Оттар, то ни с кем не сходитесь. Ни к чему это, потому что вы здесь человек случайный.

— Хороший совет, Айк, так я и сделаю. А про местное начальство, про офицеров, что разузнал?

— В основном это неудачники, картежники, забияки и пьяницы, которых отослали с глаз долой, подальше от столицы. Так что деньги им в долг давать нельзя, верить тоже, пить с ними не надо, и вообще, следует быть осторожнее. А если возникнут неприятности, никаких дуэлей и никакой атакующей магии, полковник Риф запретил. Поэтому сразу бейте обидчика кулаком в челюсть, как вы умеете, и вырубайте, так будет правильно.

— А про моего комбата что скажешь?

— Капитан Коста Резаир. Из семьи купцов. Игрок. Нищий. Женат. Трое детей, девчонки. Как человек никакой, серый и мутный, без чародейского таланта, доверия не вызывает, но плохим его назвать тоже нельзя. Сослан на север за денежную растрату. В полку уже четыре года, на общем фоне ничем не выделяется.

— Так-так, а полковник часто пьет?

— Нет. Так-то он командир справный. Просто вчера все офицеры были в городе, губернатор в честь доблестных за-

щитников родины устроил бал. А сегодня еще одно мероприятие намечается. Прием в доме градоначальника, так что готовьтесь, господин Оттар, возможно, и вас пригласят.

«Не зря отец ко мне Юссира приставил, — отметил я. — Действительно, полезный человек. Самое главное сразу увидел и с новобранцами мне поможет».

— Печку затопил, — услышали мы голос Эльвика. — Заходите. Сейчас чай пить будем и поедим.

Еще раз я обвел рассеянным взглядом пустой лагерь, который вскоре должен наполниться людьми, и кивнул десятнику:

— Пойдем, Айк. Перекусим, а то до обеда еще далеко, да и кормят здесь наверняка не по-домашнему.

— Вы правы, господин Оттар.

По губам воина пробежала улыбка, и я спросил его:

— Чему улыбаешься?

— Хорошо мне. Снова в армии, жалование двойное пойдет, от господина барона и от царской казны. Жив и здоров, а впереди новые земли, горящие города врагов и встречи со старыми друзьями. Вот и радуюсь.

Время до полудня пролетело незаметно. Пока позавтракали, пока устроились, да пока я униформу подгонял и меч, год назад подаренный мне отцом, затачивал, прошло несколько часов. После чего в казарме появился мой непосредственный начальник, капитан Коста Резаир, среднего роста худощавый брюнет в аккуратно заштопанном мундире, который, лишь только увидел меня, приподнял вверх ладони и произнес:

— Слава богам, наконец-то я вижу новое лицо. И что характерно, чистое, свежее и благородное.

— Здравствуйте, господин капитан. — Я сделал шаг навстречу командиру батальона. — Позвольте представиться, корнет Оттар Руговир.

— Рад. — Он пожал мне руку и зачистил: — Очень рад. Я капитан Резаир, но для своих товарищей и в приватной обстановке просто Коста. Вижу, вы уже начали обживаться, и это правильно, устраивайтесь. Но это подождет, корнет. Потому что сейчас мы пойдем в офицерский клуб. Там только нас, на верное, и не хватает.

Мы направились к офицерскому клубу, располагавше-

муся возле штаба, и капитан задавал вопросы. Стандартные. А затем Резаир спросил о самом главном:

— Корнет, а как у вас с деньгами?

При этом его глазки масляно заблестели, и я понял, что сейчас у меня попросят в долг, возвращать который никто не собирается. Поэтому я ответил уклончиво:

— Есть немного, на первое время хватит.

— А не могли бы вы ссудить мне десять альго?

— Нет.

— А пять?

— Тоже нет.

— А как насчет проставы для офицеров?

— Какая простава, господин капитан. По документам я служу в нашем полку уже семь лет, гораздо дольше вас.

Капитан моментально насупился и отстранился. Обиделся или сделал вид. Да и плевать. Мне с ним дружбу водить не хотелось, пару месяцев вместе послужим и разбежимся кто куда. Ну а затем мы вошли в офицерское собрание, по сути, буфет, где можно было на халяву выпить и покурить. И здесь меня представили командному составу полка. Кстати, не только меня. Всего за несколько часов 48-й полк пополнился двумя майорами, двумя капитанами, четырьмя лейтенантами, десятком поручиков и пятью корнетами. Поэтому все прошло быстро.

Хассо Риф, выглядевший в мундире значительно солиднее, чем утром в халате, вышел в центр комнаты и стал по одному вызывать вновь прибывших и представлять ветеранам. Между прочим, весьма непрезентабельным людям. Как правило, все на одно лицо. Слегка за сорок, какие-то потертые, заштопанные и битые жизнью. Но, наверное, такими и должны быть офицеры, сосланные на север и забытые. А что касательно новичков, то они были разными. Кто-то, подобно мне, уже числился в полку, а кто-то пришел из запаса. Кто-то был богат, а кто-то явно бедствовал. Кто-то гордился родовым гербом, а иные были выходцами из народа. И это событие, представление новичков, не привлекло бы моего внимания, если бы не один офицер, крепко сбитый тридцатилетний майор в черной униформе и скрещенными обнаженными мечами на шевроне.

Это был «черный клинок», контрразведчик и шпион, а

также профессиональный охотник на нежить и нечисть. Раньше мне подобных людей видеть не доводилось, но слышал я про них много, как хорошего, так и плохого. Как же, закрытая воинская каста, или, правильнее будет сказать, орден, в который нельзя попасть по блату. «Черные клинки» сами отбирали сослуживцев и обучали их, а подчинялись они только главе своей организации и царю. Больше над ними не было никого, и они могли позволить себе многое из того, о чем обычные люди, не только простолюдины, но и аристократы, могли только мечтать. И речь в данном случае не о деньгах, а о влиянии этой организации.

В общем, «черный клинок» по имени Тейваз Кано меня заинтересовал, и я за ним наблюдал. Хотелось понять, чем он отличается от остальных офицеров. Почему «черные клинки» выбрали именно его и в чем особенность майора. Однако я ничего нового не увидел. Офицер как офицер, только мундир черный и двигается, подобно кошке, мягко и плавно, словно профессиональный боец-рукопашник, способный в одиночку заломать пару-тройку вооруженных бойцов. А потом мне захотелось подойти к Кано и пообщаться с ним. Но смотрины вновь прибывших офицеров закончились, и полковник вскинул вверх правую руку.

Моментально разговоры в клубе стихли. Наступила тишина, и Риф сказал:

— Господа, внимание. Сегодня мы приглашены на прием к градоначальнику Дагардаза, достопочтенному мэтру Мияру, но торжество отменяется.

Старослужащие зашумели. Не часто их приглашали в город самые уважаемые люди провинции. Однако полковник остановил гомон, покосился на майора Кано и продолжил:

— Это связано с тем, что новобранцы начнут поступать в полк раньше. Первая партия в количестве пятисот человек уже готова и прибудет вечером. Вторая, в триста человек, подойдет ночью, а еще одна подтянется утром. Так что, господа, к делу. Новобранцы будут распределяться по ротам и батальонам по мере поступления. Учебные планы у комбатов. Кого увижу в нетрезвом виде, пусть не обижается. Отлучки в город запрещаю. Разойдись!

Офицерский клуб опустел, и вместе со мной в расположение батальона отправилось шесть сержантов и четыре офи-

цера: лейтенант, поручик и два корнета. В связи с этим на роту меня так и не назначили, и я этому был рад — меньше ответственности, меньше хлопот. Но все равно руководителей не хватало, и я был назначен заместителем командира роты, опять-таки временно. Кстати, ротным стал поручик Сигват Дорат, кадровый офицер, получивший ранение в стычке на границе и долечивавшийся дома. Ну а тут война намечается, и в штабе Дрангийского военного округа он получил назначение в 48-й полк, а не в родной 7-й. Такие вот дела, и, добравшись до казармы, мы стали ожидать появления новобранцев первой очереди, которые, если верить служебным инструкциям, уже должны были пройти начальную военную подготовку и различали, где правая нога, а где левая.

ГЛАВА 3

Восьмой день военной службы. Я проснулся до рассвета, сел на своем неудобном ложе и не сразу осознал, где нахожусь. В полутемной комнате было душно, ходили какие-то люди и, ворча, одевались. И запахи при этом стояли такие, что меня едва не замутило. Но я встряхнул головой, справился с собой, окончательно проснулся, и все встало на свои места.

Незнакомцы, присутствовавшие в комнате, мои сослуживцы, командир роты и три взводных. Я пятый. Меня зовут Оттар Руговир, и я корнет, командир первого взвода и заместитель ротного. Все мы служим в сорок восьмом пехотном полку, и нам здесь не нравится. По крайней мере, мне точно.

Однако деваться некуда и приходится выполнять приказы. Меня, чужака и бастарда, скинула семья — это понятно. Поручик Фредегард Оракис кадровый военный, и служба на благо государства краеугольный камень его жизни, а корнеты выходцы из небогатых семей, поэтому выбор у них невелик, либо армия, которая их поднимет или уничтожит, либо нищета. Ну а с рядовыми все еще проще. Прижимистые деревенские старосты и городские мастеровые старшины отдавали в солдаты кого не жалко: лентяев, разгильдяев, буянов, недоимщиков и выпивох. И хорошо еще, что не больных и не увечных присылали, за этим следили строго. Но, в общем,

личный состав от идеала был далек и ничего не умел, хотя каждый новобранец должен был получить начальную военную подготовку. Да только должен — совсем не значило, что получил, ибо все мы люди и запасных, которых первыми отправляли в войска, откупали. Военные из штаба Дрангийского округа получали небольшую мзду и подарки, и новобранцы, вместо чистки оружия и маршей, работали на полях, рубили лес, подновляли стены городов, ловили рыбу и охотились. Обычное дело, а мы теперь расхлебываем, и магией свои силы не восстановишь, ибо запрещено полковником Рифом, который вспомнил молодость, подстригся, привел себя в порядок и снова превратился в образцового командира, словно с героической картины. После чего стал гонять всех, и офицеров и рядовых, в хвост и в гриву, дабы повысить нашу выносливость.

Впрочем, для меня это не должно было стать сюрпризом, но стало. Ведь когда я только прибыл в полк, Риф сразу пообещал сделать из полка полноценную боевую единицу. Но тогда я ему не поверил, а зря. Знал бы, что все так сложится, попробовал бы подготовиться. А теперь поздно...

— Отгар, давай быстрее, — окликнул меня поручик Оракис.

Я промолчал, начал быстро одеваться и через пару минут вслед за ротным вошел в казарму, где находились рядовые. А следом появились сержанты, среди которых был Айк Юсир.

«Сейчас начнется спектакль», — подумал я, глядя на то, как сержанты, имевшие при себе обтянутые кожей дубинки, рассредоточиваются по бараку, и прислонился к стене.

Долго ждать представления под названием «Утренняя побудка» не пришлось. Один из сержантов дунул в свисток, резкий звук которого выдернул людей из сонного состояния, и закричал:

— Подъем!

Помещение моментально наполнилось шумом. Новобранцы вскакивали с жестких топчанов, и кто был поумнее, тот первым, хватая одежду, прыгнув в сапоги, бросался на выход. Ну а кто медлил, получал пинок под зад или дубинкой по спине.